

УДК 343.26.11(09)(47+57)

С.М. Кутякин,
кандидат юридических наук, доцент

НЕКОТОРЫЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ САМООРГАНИЗАЦИИ ТЮРЕМНОЙ ОБЩИНЫ ОСУЖДЕННЫХ И ЕЕ ЛИДЕРОВ В МЕСТАХ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ РОССИИ

У статті розглядаються історичні особливості процесу самоорганізації тюремної громади засуджених та її лідерів у місцях позбавлення волі Росії в XIX–XX ст.

Ключові слова: *тюремна громада, тюремний світ, самоорганізація засуджених, місця позбавлення волі, каторга, старости, “бурлаки”, “зłodії в законі”, професійна злочинність.*

В статье рассматриваются исторические особенности процесса самоорганизации тюремной общины осужденных и ее лидеров в местах лишения свободы России в XIX–XX вв.

Ключевые слова: *тюремная община, тюремный мир, самоорганизация осужденных, места лишения свободы, каторга, старосты, “бродяги”, “воры в законе”, профессиональная преступность.*

The paper deals with historical characteristics of the process of self-organization of the prison community convicted and its leaders in places of deprivation of liberty of Russia in the XIX–XX centuries.

Keywords: *prison community, prison world, self-convicted, places of deprivation of liberty, penal servitude, the elders, “vagabond”, “thieves in law”, a professional crime.*

Появление феномена тюремной общины напрямую связано с появлением в России тюрем и каторги. То есть таких условий отбывания уголовного наказания, где осужденные содержались совместно в течении длительного времени. Значительное влияние на формирование тюремной общины оказал традиционный крестьянский, общинно-патриархальный жизненный уклад российского народа. Для простого человека, общества в целом и власти было нормальным, приемлемым и понятным общинное объединение во главе с выборным старостой, будь то в деревне, на прииске, в тюрьме или другом месте. Вместе с тем, объединение осужденных в общину имело массу таких сторон, которые заставляли власти отрицательно отнестись к ее существованию за тюремными стенами. Большинство исследователей мест лишения свободы России XIX в. были солидарны в своих выводах о том, что тюремная община является не только средством самоорганизации осужденных, но и активно противодействует тюремным порядкам и самому назначению тюрьмы как карательно-исправительного учреждения. Так, И.Я. Фойницкий полагал, что “...община производит в тюрьме лишь весьма невыгодные для тюремных задач последствия, закрывая собою арестантов и выступая коллективную силу против распоряжений и мер начальства...” [1, с. 391]. Такой же точки зрения о сущности и целях деятельности тюремной общины придерживался и С. Максимов, по мнению которого, для русского человека характерно организованное сопротивление гнету и насилию – неизбежным спутникам любой уголовно-исполнительной системы. “Противоборство это, – считает С. Максимов, – заключается в так называемой артели тюремной, в арестантской общине” [2, с. 79]. Автор полагает, что всем своим составом тюремная община противодействует всяким начинаниям, направленным к благой цели исправления. Аналогичной точки зрения придерживался и Н.М. Ядринцев. Признавая антагонизм между тюремной общиной и администрацией мест лишения свободы, он пишет: “Для ведения заговоров против начальства, для ограждения своих льгот они еще теснее организовались, и демократическая община арестантов во имя общего интереса подчиняет совершенно своих членов своей власти” [3, с. 91–92].

Криминальная самоорганизация осужденных на основе тюремной общины приводит к возникновению в их среде определенных каст-сословий. Одни из них занимали главенствующее положение, другие – подчиненное. Элиту тюремного мира России во второй половине XIX в., его правящую верхушку составляли “иваны” [4, с. 17]. По свидетельству В.М. Дорошевича, они представляли собой нечто вроде “рыцарского ордена”: держались особой компанией, стояли друг за друга и были неограниченными властелинами каторги; распоряжались жизнью и смертью других; были законодателями, судьями и палачами; изрекали и приводили в исполнение приговоры – иногда смертные, всегда непреложные [5, с. 210–214]. Общим, объединяющим началом для “иванов” было то, что они происходили из категории “бродяг” – наиболее профессиональной части преступного мира. Свое прозвище “бродяги” получили за то, что, не имея постоянного места жительства (или скрывая его при аресте) и уклоняясь от регистрации, имели возможность не контролируемого полицией передвижения по стране. Днем эти люди обычно отсыпались, а ночью “работали” в городах и их окрестностях, по барским и купеческим усадьбам, амбарам богатых мужиков, проезжим дорогам. Нередко их “работа” пахла кровью [6, с. 73].

Являясь профессиональными преступниками и криминальными лидерами, “бродяги” оказывали огромное моральное воздействие на других осужденных. Их философия и богатый жизненный опыт, полученный в местах лишения свободы, успокаивали и привлекали к себе людей, впервые оказавшихся в тюрьме и испытавших от этого сильное душевное волнение и даже отчаяние. Все эти качества, а также оптимизм “бродяг” во взглядах на будущее внушали вновь прибывшим арестантам чувство уверенности и спокойствия, вызывали уважение к этим людям и стремление подражать им. Необходимо сказать о том, что такие современные самоназвания “воров”, как “законники”, “законные воры”, также берут свое начало из субкультурной среды “бродяг”. “Бродяга-законник” хорошо знал не только законы Российской империи, но и способы ухода от них. Не менее квалифицированно он разбирался в законах тюремной общины, толковал их и консультировал по ним других арестантов. С. Максимов писал: “Около законников своих новичок-арестант в весьма непродолжительное время становится тем, чем он должен быть, т.е. арестантом” [3, с. 100].

Тюремная община для “бродяг” и иных привычных преступников была суррогатом семьи, заменяла им отца и мать, сестер и братьев. Только в ней “бродяги” и другие профессиональные преступники могли реализовать себя как члены социума. Эта категория арестантов жила в тюрьме, как у себя дома, потому что за стенами тюремного замка у них не было определенного угла, да они и не питали надежды когда-либо расстаться с тюремной жизнью, смотрели на тюрьму как на свое законное жилище, словно созданное специально для их беспечного существования.

В тюрьме при каждой камере имелся свой староста, который, с одной стороны, был обязан блюсти интересы ее обитателей. Кроме того, над всеми камерами назначался общий староста, с которым сносились в случае нужды камерные старосты. Общетюремный староста входил в непосредственные сношения с начальством, и в такой постановке дела заключалась одна из причин сравнительного порядка в тюрьме. С другой стороны, старосты несли ответственность перед тюремным начальством за происходящее в их камерах, поэтому все арестанты были обязаны слушаться их и следовать их советам. Как правило, старост избирали из числа “бродяг”. Такое положение вещей только усиливало их непререкаемый авторитет среди обитателей тюремного мира. Исследуя личные качества предводителей тюремной артели, Н.Г. Брейтман приходит к выводу: “Избираются старосты из числа опытных, умных, обладающих сильными характерами, умеющих влиять на “шпану”, разговаривать с ней, понимать ее нужды” [7, с. 160]. Формально артельные старосты – “бродяги” подчинялись администрации, однако, будучи по своей природе людьми хитрыми и изворотливыми, они лишь создавали видимость законопослушного поведения. На самом деле старосты подчинялись прежде всего неформальным правилам арестантского общежития, тюремным законам. Тюремные власти того и более поздних периодов неоднократно пытались использовать общинные, коллективистские начала преступной среды для обеспечения управляемости сообществом осужденных, их

исправления и перевоспитания. Однако эти попытки неизменно наткнулись на сопротивление со стороны тюремной общины, которое обуславливалось ее законами, запрещающими своим членам любые виды сотрудничества с администрацией мест лишения свободы.

“Бродяги”, будучи пожизненными преступниками, и в тюрьме оставались ими же. Доходные места тюремных и камерных старост “бродяги” использовали как средство своего личного обогащения и получения всяческих выгод. “Бродяги – царьки в арестантском мире, они вертят артелью, как хотят, потому что действуют дружно. Они занимают все хлебные, доходные места: они старосты и подстаросты, повара, хлебопеки, больничные служители, майданщики, они все и везде. В качестве старост они недодают кормовых, продают места на подводах; в качестве поваров крадут мясо из общего котла и раздают его своей шайке, а несчастную кобылку кормят помоями, которые не всякая свинья станет есть; больничные служители – “бродяги” морят голодом своих пациентов, обворовывают и часто прямо отправляют на тот свет, если это оказывается выгодным. Узнав, что у кого-нибудь из кобылки есть деньги, зашитые в “ошкуре” (в поясе), они подкарауливают его в уединенном месте, хватают среди белого дня за горло и грабят” [8, с. 16]. “Бродяги”-“майданщики” наживались на нелегальной торговле продуктами, водкой и организацией азартных игр под интерес. При этом они фактически закабалили своих должников, обирая их до нитки. Нередко, чтобы рассчитаться с “майданщиком”, осужденные, имеющие небольшие сроки, были вынуждены меняться своим именем и участью с долгосрочными арестантами (“нанимателями”). На каторге эта процедура называлась “свадьбой” и нередко планировалась совместно “нанимателями”, “майданщиками” и другими “бродягами” заранее. В результате будущую жертву умышленно спаивали и мошеннически обыгрывали в карты. После “свадьбы” осужденные-должники переходили в разряд “сухарников”. “Наниматель отныне – его хозяин. Если “сухарник” вздумал бы заявить о “свадьбе” по начальству и засыпать хозяина – он будет убит. Другого наказания за это каторга не знает” [5, с. 232–239].

Аморальность поведения “бродяг” проявлялась и в том, что они, находясь в этапных тюрьмах, нередко насильно завладевали чужими женами, идущими вслед за своими мужьями на каторгу. Если же муж пытался этому сопротивляться, то арестанты из ближайшего окружения “бродяги” жестоко избивали его. Остальные арестанты из-за боязни мести со стороны “бродяг” в это дело предпочитали не вмешиваться. Вследствие своей дружности и организованности “бродяги” занимали в камерах этапных тюрем самые хорошие места, располагаясь на нарах подальше от дверей и тюремной “параши”. Староста-“бродяга”, по обычаю выпускаемый в камеру раньше всех, еще до окончания поименной проверки и пересчета вновь прибывших арестантов, занимал для своих товарищей теплые места, а каторжная “кобылка” ютилась большей частью под нарами, на голом полу, в грязи, темноте и холоде.

В конце XIX в. ситуация в тюрьмах и на каторге стала меняться не в пользу “бродяг”. Во-первых, каторжная “кобылка”, доведенная до отчаяния невыносимым беспределом с их стороны, начала поднимать голову. В Томской пересыльной тюрьме, где иногда собиралось до трех тысяч арестантов одновременно, несколько раз происходили страшные избиения “бродяг”. По некоторым данным [8, с. 17], во время происходивших там массовых беспорядков в середине 80-х годов XIX в. было убито и покалечено арестантами около пятидесяти “бродяг”. Несмотря на это, “бродяги” не утратили своего главенствующего положения в тюремной общине, по-прежнему оставаясь “князьями” преступного мира, с той лишь разницей, что стали осуществлять свои противоправные и аморальные проступки скрытно и в основном чужими руками. Для этого в окружении “бродяг” всегда находилась пара-тройка арестантов, готовых выполнить любое их желание за оказываемое покровительство. Это подтверждается и письменными свидетельствами Л. Мельшина: “Впрочем, я вообще замечал, что тюремные поводыри, “иваны” и “глоты” ограничиваются в большинстве случаев тем только, что вносят материальные пожертвования и стоят на стреме, “карауля” надзирателей, в огонь же опасности лезут всегда люди, играющие в тюрьме самую незначительную роль и даже служащие предметом общих насмешек” [8, с. 177].

Октябрьский переворот 1917 г. и последовавший за ним глубокий экономический и политический кризис власти, резкое падение уровня жизни населения, Гражданская война, атеистическая политика, проводимая большевиками, привели к массовому падению нравственности, кризису российской государственности. В тюремном мире, как в капле воды, отражались все события, происходящие в обществе того периода. Наступил кризис власти и у старых тюремных сидельцев – “бродяг”. Серьезную конкуренцию им составляли новые, молодые, дерзкие, не признающие никаких законов и никакой власти, кроме власти силы, преступники. Однако “бродяги” не собирались никому уступать своих позиций. Они лучше других ориентировались в условиях изоляции от общества. Их объединяли между собой многовековые “ценности” преступного мира. И более всего им помогали в этом “истинная вера”, “старые заветы” [4, с. 20]. По-прежнему тюремную общину возглавляли наиболее опытные и пользующиеся авторитетом преступники, подчинявшие себе остальных заключенных. Появление в местах лишения свободы лидеров новой формации, часто с политическим “оттенком”, обусловило противостояние представителей старых и новых тюремных порядков. Исследователь “воровской” среды В.М. Анисимков отмечает: “Старые “авторитеты” и преступники “новой формации” постоянно конфликтовали – боролись за сферы влияния. Последние часто получали название “жиганы”. И если раньше “жиганам” отводилась весьма скромная роль “провинившихся”, то теперь они не только стали быстро перенимать традиции и обычаи “авторитетов”, но интенсивно вырабатывать и свои собственные” [4, с. 21].

Высокая степень политизации общества коснулась и уголовного мира. Это нашло свое выражение в том, что всякая противоправная деятельность расценивалась преступными “авторитетами” новой формации как форма противодействия государству рабочих и крестьян. Произошла политизация и преступных “законов”, по которым жила тюремная элита. Теперь каждый член сообщества не имел права служить в армии, работать, занимать общественные или иные административно-распорядительные должности, в том числе в местах лишения свободы. Таким образом, “жиганы” и их лидеры приобрели статус “идейных” преступников. Свою деятельность они преподносили как выражение несогласия и протест против Советской власти. Особенно ярко это проявлялось в создании банд. Они организовывались и пополнялись людьми, пострадавшими от новой власти или недовольными ею. Политические мотивы мгновенно превращались в уголовные формы выражения. Наряду с этим в местах лишения свободы власть возвращалась в руки “бродяг”, которые были более закаленными, опытными и сплоченными лидерами преступного мира, чем “жиганы”. К “бродягам” примкнули и остальные потомственные профессиональные преступники с богатым дореволюционным прошлым, не желавшие изменять многовековым арестантским традициям, обычаям и законам.

Наиболее многочисленную и устойчивую часть профессиональной преступности России в начале XX в. составляли “воры”. Слово “вор” указывало не только на криминальную специализацию преступника, но и на его принадлежность к определенному преступному сообществу, по законам которого он жил. “Воровское” сообщество России издревле имело свою особую, четко регламентированную структуру. У каждого “вора” была своя “специальность”, свои особые приемы. Каждая категория “воров” составляла отдельное сословие в преступном мире. Профессиональные “воры” объединялись в настоящие корпорации, “воровские” общества. Как и всякое другое общество, они имели свой устав, своих руководителей, проводили общие собрания для решения спорных и злободневных вопросов – “воровские” сходки. Каждый член этого профессионального союза был обязан руководствоваться интересами общества и не нарушать его законов. Самое поразительное – сила организации профессиональных “воров” скреплялась, как это ни парадоксально звучит, силой их нравственности. У них всегда существовало и существует до сих пор свое, пусть и искаженное с точки зрения остального общества, понятие о нравственности. “Воры” не расценивали свою профессию как что-либо безнравственное, потому что это было их ремесло, их образ жизни. Они смотрели на нее сугубо с рационалистических позиций и не испытывали после совершения кражи каких-либо нравственных страданий. Воры,

мошенники и аферисты, как это ни смешно, особенно заботятся о своем благородстве, которое считают выше простой житейской чести. Конечно, понятие о благородстве у них условное: если карманник, вор-специалист, похищает бумажник из карманов, это не доказывает, что вы должны бояться ночевать с ним в одной комнате, чтобы он вас не обокрал, или не играть с ним в карты из опасения, что он вам не заплатит, или, если он вам что-либо пообещает, то не исполнит обещания, думая, что если человек способен на кражу, то он уже способен на всякий бесчестный поступок. Такой взгляд будет узким, односторонним и неправильным. В противном случае преступный мир не мог бы существовать при такой организации, какую он имеет, в нем не было бы силы и сплоченности [7, с. 83].

Обучение молодых и начинающих “воров” премудростям их профессии осуществлялось “ворами” со стажем, которые стали в своем деле профессионалами, причем и на воле, и в тюрьме. Обучение в тюрьме было менее опасным, потому что за плохо выполненное задание ученику не угрожало уголовное преследование. Вместе с тем тюрьма являлась уникальным кладезем криминального опыта, которым осужденные неизменно делились друг с другом, повышая, таким образом, свою квалификацию. В связи с этим на жаргоне преступников тюрьма именовалась “академией”. Процесс приобщения молодежи к вступлению в семью “воров” был тщательно продуман. Обучением новичков занимался наиболее опытный “вор”, на жаргоне того времени – “козлятник”. Для кандидатов устанавливался стаж не менее трех лет. За это время человек постигал тайны своего ремесла, подвергался всестороннему изучению и проверке на предмет соответствия “воровской” профессии и членства в “воровской” общине. “Достойные” кандидаты принимали на “воровской” сходке “присягу” и становились общепризнанными “ворами”.

Хорошо сплоченное организационно и имевшее крепкую неформальную нормативную основу профессиональное сообщество “воров” переняло от “бродяг” бразды правления тюремной общиной. Вместе с властью “воры” получили от “бродяг” законы, по которым они жили, в значительной степени усовершенствовав их законами своей “воровской” общины. Одним из главных установлений “воровского” кодекса чести был запрет трудиться. Согласно неписаным правилам “воры” обязаны были жить на доходы от своего преступного ремесла и вести праздный образ жизни. Особые отношения складывались между “воровской” общиной и остальным обществом. Ввиду закрытости и нелегальности “воровского” сообщества его членам категорически запрещалось участвовать в общественной жизни. Все контакты членов “воровского” сообщества с иным миром, за исключением профессиональных, сводились к минимуму. Таким способом “воровское” сообщество соблюдало свою конспирацию и обеспечивало защиту от посвящения в свою деятельность посторонних людей, в том числе осведомителей правоохранительных органов. Большинство неписаных норм “воровского” закона диктовалось соображениями безопасности общины. К их числу следует отнести запрет иметь официальную семью. До тех пор пока кандидат в “воры” не отказывался от родных, его не принимали в “воровское” сообщество, потому что поддержание связи с семьей могло привести к аресту “вора”, а за ним и его сообщников. “Ворам” запрещалось служить в армии, состоять в общественных организациях. “Воровская” этика под страхом смерти запрещала подводить, выдавать, красть у других “воров”, наносить побои и оскорбления, угрожать своим братьям. Контроль за соблюдением этих правил, прием нового поколения в свои ряды, разрешение конфликтов и споров, установление новых законов и осуществление функций суда над “ворами”, допустившими нарушение “воровского” кодекса чести, возлагались на “воровскую” сходку, на которую были обязаны являться все “воры” общины. Сходка объявлялась и собиралась по инициативе любого из них. Для решения особо важных вопросов, носивших межрегиональный характер или касающихся всех “воров” без исключения, созывались “воровские” съезды представителей различных “воровских” общин. Обладая непререкаемым авторитетом в преступном мире, “воровская” элита завладела властью не только в местах лишения свободы, но и за их пределами. Следует особо отметить тот факт, что 20–30-е годы XX в. стали ключевым моментом истории развития феномена “воры”. С этого периода преступное ремесло для них

начинает постепенно отходить на второй план и уступает место их новой общественной функции в преступном сообществе, которую можно охарактеризовать как криминальный менеджмент.

Начиная с первой половины XX в. слово “вор” обрело двоякий смысл. Традиционно под ним понимался любой человек, что-либо укравший. Профессиональные преступники вкладывали в него иной смысл. “Вор” в их понятии – это прежде всего полноправный член “воровской” общины, живущий по ее законам и понятиям. В то время “законным” считался любой вор. Только совершив проступок, несовместимый с “воровской” этикой, он мог быть “приземлен” другими “ворами” и переставал считаться таковым в преступном мире. Так со временем слово “вор” приобрело терминологическое значение. Постепенно и в общественном сознании оно укоренилось как синоним главаря профессиональной преступности.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. *Фойницкий И.Я.* Учение о наказании в связи с тюремоведением / И.Я. Фойницкий. – СПб., 1889.
2. *Максимов С.* Сибирь и каторга : в 3 ч. / С. Максимов. – СПб., 1891.
3. *Ядринцев Н.М.* Русская община в тюрьме и ссылке / Н.М. Ядринцев. – СПб., 1872.
4. *Анисимков В.М.* Тюремная община : “вехи” истории: историко-публицистическое повествование / В.М. Анисимков. – М., 1993.
5. *Дорошевич В.М.* “ГУЛАГ” царской России / В.М. Дорошевич. – М., 2001.
6. *Гиляровский В.А.* Под китайской стеной. Куйбышев / В.А. Гиляровский, 1965. – Т. 2.
7. *Брейтман Н.Г.* Преступный мир / Н.Г. Брейтман ; науч. ред. Х. Вальтер, В.М. Макиенко. – 2-е изд., испр. – СПб., 2005.
8. *Мельшин Л. (Якубович П.Ф.)* В мире отверженных. Записки бывшего каторжника / Л. Мельшин. – 4-е изд. СПб., 1907.

Отримано 09.04.2013